

Ну что с того, что ты там был?

Известия. — 1999 — 20 авг. — с. 7

«Прокляты и забыты» Сергея Говорухина на ТВ-6

Денис ГОРЕЛОВ

Похоже, стравливать меж собой тех, кто расслабляется, и тех, кто воевал, уже стало каким-то семейным подрядом Говорухиных. Еще собирает на бесхребетных и бессмысленных фестивалях свою черную жатву «Ворошиловский стрелок», еще рьяно аплодирует населению возможности разом отомстить всем, кому на Руси жить хорошо, — а по ТВ-6 уже идет документальная эпопея Говорухина-младшего «Прокляты и забыты». Про то же самое. Про наших в Чечне и наших в Москве.

Наши гибнут, плачут, курят, матерятся, валяются по обочинам и загоняют патроны в магазин. Наши танцуют, кривляются, раздеваются на публике, строят себе миллионные виллы и много едят. Наши глядят в камеру большими глазами — ненаши режутся, помахивая пальцами «козой». Очень эффектный монтаж: вот рваное мясо — а вот косое рыло, вот хирурги раненых списывают — а вот девки подол задирают. Все это под рефрен «Ну что с того, что я там был, я был давно, я все забыл». Еще одно попури на тему «Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной, я был за Россию ответчик, а он спал с моею женой».

Очень, между прочим, популярный мотивчик. В России испокон веку, еще с царя, воевали не затем, чтобы люди могли плясать, веселиться и совокупляться по добровольному согласию с кем душа просит, — а ради создания особого воевалого сословия за-все-ответчиков, которое будет на основании своих шрамов остальных уму-разуму учить. Слова «Я воевал!» на Руси всегда значили не «Уважь меня», а — «Всем б...м стоять смирно и слушать суворовского солдата, пока он не разрешит перекурить и оправиться».

Уже к середине этот якобы антивоенный фильм лезет по

АЛЕКСЕЙ ЧЕРВЯКОВ

швам, потому что видно невооруженным глазом, что автору война куда милее танцулек на подоконнике в неглиже. Или они позорны, безнравственны и «заставляют стесняться третьего тоста, который пьют стоя и молча — за своих погибших». Правильно заставляю. «Своих погибших» (которых сегодня у каждого за душой порядком, а не у одного только Говорухина) помнят, когда вспоминается, и пьют за них и первым тостом, и двадцать первым, а когда это ритуальный третий молча и стоя — это не скорбь, а рисовка не наигравшихся в войнушку людей, которые хотят втянуть в то же всю страну. Их лозунг: превратим войну региональную в войну отечественную. Если где-то на границе России войска восстанавливают порядок — значит, вся страна обязана прекратить пить, целоваться, музыку слушать и подошлы задиравать, а то придет нравственный Говорухин и объявит комендантский час. Бумажные полоски на окна — и сиди слушай Совинформбюро. Или ты ненаш и с тобой разговор короткий. Это ж ты, вести-

мо, и есть тот, кто всех проклял и всех забыл.

«Это поколение предало нравственность, — кручинится Говорухин. — Не поодиночке, а целиком». Интересно, кто ж тогда в Чечне воюет, если призывное поколение здесь целиком нравственность предадет? Назойливое стремление развести страну надвое раздрожало еще в Говорухине-старшем. Вот якобы есть Мы, которые «отдали Родине сердце,

годы, помыслы, здоровье — и чем она нам отплатила». А есть ОНИ — нагревшиеся на чужих страданиях хозяева жизни, которые пляшут на стойке в кафе «Голодная утка» и оттягиваются на гей-шоу «Звуковой дорожки» «МК». Можно подумать, человек, вернувшийся из Чечни, никогда больше не пойдет слушать «Звуковую дорожку». А человек, лавивший на стойку «Голодной ут-

ки», Родину не любит и при первой же мобилизации в куст уползет. Брежнев это. На БТР по Грозному и на мотоциклах по Москве частенько гоняют одни и те же лица. А суть претензий Говорухина — в том, что он сам на войне был, в бездну заглянул, увечные трупы заснял и все теперь должны перед ним построиться и в ночные клубы не ходить. Вот именно это и задолжала Родина своим служивым сыновьям — если, как считает Говорухин, орденов и пенсий по инвалидности мало. Пионерские линейки во славу христороливого воинства. Всеобщую патриотическую насажденность под ритуальные песнопения середины века. Паранджу задолжала, домкомы по пригляду за поведением и общий отбой в 22.45 после выпуска «Сегодня в мире».

«Время повернуло вспять, и это уже навсегда», — резюмирует Говорухин поверх кадра со стелой бывшего советского герба, на которой ныне — лейбл Инкомбанка. Слава Богу, что не развернуть. Прах с ним, с серпом и молотом. И не надо так сильно бояться банка. Банк — это не символ беспамятства, разора и падения нравов. Банк — это всего-навсего квартира, где деньги лежат.